

Е. И. Кычанов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДУНГАН

Дунгане сформировались на основе одной из групп хуэй. «В эпоху Юань,— пишут А. М. Решетов и Н. Н. Чебоксаров,— сложилась своеобразная группа хуэй как ответвление китайского этноса, принявшая мусульманство»¹. Консолидирующая роль ислама в формировании этой группы населения Китая и его влияние на отчуждение современных китайцев-мусульман от всех прочих китайцев были настолько велики, что название религии, звучащее по-китайски как «хуэйцзяо», стало названием этнорелигиозных групп, исповедовавших ее, как китайских, так и некитайских по этнической принадлежности. До 1949 г. хуэй называли нередко всех мусульман Китая — китайцев, уйгуров, казахов и др. После образования Китайской Народной Республики под хуэй стали понимать только мусульман, говорящих на китайском языке². Суть споров об этногенезе хуэй в следующем: были это китайцы, принявшие ислам (вариант — «местные китайцы, смешавшиеся с мусульманами») ³, или, наоборот, — некитайские этнические группы, исповедовавшие ислам и принявшие китайский язык.

Справедливость мнения о «правомерности выделения (добавим, нынешних.— Е. К.) хуэй в народность»⁴ оправдана. Однако происхождение каждой из групп хуэй: ганьсу-шэньсийской (северо-западной), фуцзяньской и юньнаньской — следует рассматривать отдельно.

Обратимся теперь к истории формирования тех китайцев-мусульман, которые проживают ныне в Нинся-хуэйском автономном районе КНР. Именно их часть попала в Восточный Туркестан, переименованный цинскими властями в 80-х годах XIX в. в Синьцзян, а затем в пределы современной Советской Средней Азии. Само слово «дунган» (дун-гань) скорее всего лишь обозначает по-китайски, что эти люди суть выходцы из восточных (дун) районов провинции Ганьсу (гань), т. е. как раз тех мест, которые входят в территорию Нинся-хуэйского автономного района⁵.

С точки зрения научного подхода к проблемам этногенеза не существует народов, в формировании которых не участвовали бы различные этнические компоненты. Этот подход нередко противоречит обыденному сознанию, которое отстаивает исконность, «чистоту» происхождения своего народа, отсутствие в нем иноплеменных примесей. Незнание этнической истории своего народа может стать источником националистических, шовинистических и расистских взглядов. Это замечание не относится прямо к этногенезу дунган, но оно связано с дилеммой: являются ли хуэй китайцами, принявшими мусульманство, или же это мусульмане, усвоившие китайскую культуру и язык. Такая формули-

¹ А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров. Антропология и этнография о происхождении китайцев.— «Расы и народы», вып. 3. М., 1973, с. 105.

² А. М. Решетов. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации.— «Этническая история народов Азии», М., 1972, с. 139.

³ Там же, с. 141.

⁴ Там же, с. 144.

⁵ М. Сушанло. Дунгане. Фрунзе, 1971, с. 50.

ровка, отражающая крайние позиции в изучении прошлого дунган, и ныне нередко присутствует при решении этой проблемы, хотя и в завуалированной форме. Есть несколько точек зрения, каждая из которых близка к одной из этих крайних позиций. Возьмем для примера последние работы советских исследователей. В 1972 г. А. М. Решетов писал: «Каким бы ни был субстрат северных хуэй, их формирование шло на основе китайского языка и культуры при сильном влиянии мусульманской религии»⁶. В целом постановка вопроса, как нам представляется, правильная, хотя автор неоправданно считает, что процесс этот протекал примерно в VII—XIII вв.⁷ Ни о какой сколько-нибудь заметной роли ислама в том регионе, где сложилась будущая этнорелигиозная группа хуэй, до второй половины XIII в. не приходится и говорить. Это был мир буддизма махаяны, принимавшего повсюду специфическую национальную окраску: китайскую, тибетскую, тангутскую, уйгурскую и т. д. Ислам и христианство исповедовали на этой территории небольшие общины выходцев с Запада, бывших по своему социальному положению преимущественно купцами.

Хуэй не просто «ответвление китайского этноса», и в их формировании участвовали не только китайцы.

Китайские авторы, особенно из числа мусульман, считают, что хуэй — это китаизированные некитайцы-мусульмане — персы, арабы и т. п.⁸ Надо сказать, что эта точка зрения импонировала и импонирует части мусульманской элиты хуэй, ибо тем самым хуэй, и дунгане в том числе, оказывались потомками арабов, того народа, который выдвинул из своей среды самого Мухаммеда. Никто не оспаривает фактов оседания согдийцев, выходцев из Персии и из арабской среды, в западных районах танского Китая, но столь же очевидно, что из-за своей малочисленности эти группы выходцев с Ближнего Востока не могли стать основным ядром нынешних хуэй. Историк и этнограф М. Сушанло пишет: «Советские дунгановеды единодушно считают, что субстратом в формировании дунганской народности были местные... народы»⁹. Автору этой статьи как историку, имеющему дело с регионом формирования хуэй, такая постановка вопроса кажется наиболее верной с учетом того факта, что в число «местных народов» входили и китайцы. Время сложения этнорелигиозной группы хуэй и этнические компоненты, вошедшие в ее состав, — вот что было и должно быть впрямь объектом пристального внимания и исследования в тех случаях, когда ставится вопрос об этногенезе хуэй и дунган. Настоящее сообщение привлекает новые материалы, не использовавшиеся ранее при рассмотрении этногенеза дунган, и на их основе поднимает два вопроса: 1) возможно ли было участие тангутов государства Си Ся (982—1227 гг.) в этногенезе дунган и какова была его роль, 2) когда началась активная исламизация региона?

Мы уже упоминали о том, что до XIII в. нет никаких сколько-нибудь исторически достоверных данных о существовании в нынешнем Северо-Западном Китае достаточно многочисленных групп мусульман, говоривших на китайском языке. Район будущей провинции Ганьсу фактически и при Тан (VI—X вв.) не был подолгу частью китайского государства, и проживало здесь смешанное население: китайцы (Дуньхуан, Линчжоу — современный Линьчжоу — и ряд других местностей), с IX в. уйгуры, которые до 1036 г. правили всей западной частью Ганьсу (Ганьчжоуское, Сучжоуское и Шачжоуское ханства), тибетцы (район г. Лянчжоу и южнее), тангуты (центральные округа Ордоса и восточные склоны гор Хэланьшань).

⁶ А. М. Решетов. Указ. раб., с. 140.

⁷ Там же.

⁸ М. Сушанло. Указ. раб., с. 53 сл.

⁹ Там же, с. 51.

Как показывают данные китайской статистики тех лет, даже в годы, когда эти области входили в состав Китайского государства, например в X в., китайцы в них были в меньшинстве. Так, в округе Сячжоу проживало 19 290 семей тангутов и 2096 семей китайцев¹⁰. Примерно такое же соотношение китайского и тангутского населения было и в других округах. После 1036 г. тангуты овладели всей территорией будущей провинции Ганьсу. Тангутское государство было в современном понимании многонациональным, в нем проживали тангуты, китайцы, тибетцы, уйгуры. Ни о каком формировании хуэй в период существования тангутского государства источники говорить не позволяют. Значит, хуэй как народность могли сложиться только после гибели тангутского государства Си Ся (после 1227 г.).

Бывшее население Си Ся было ассимилировано в том гигантском ассимиляционном реакторе, которым всегда был Китай для соседних малых народов, даже независимо от воли правящих династий. Восемьсот с лишним миллионов нынешних китайцев — это плоды не только естественного роста китайского населения, но и гигантской ассимиляционной работы китайского этноса и его культуры, исключительно стойких и активных в этом отношении. Мы уже писали о том, что после разгрома Си Ся войсками Чингисхана часть тангутов Си Ся оказалась среди восточнотибетских племен, часть была ассимилирована монголами, а большая часть — китаизирована¹¹. Китаизация происходила в двух регионах: в собственно Китае, куда была переселена часть тангутов (таких было меньшинство), и на месте, на бывшей территории Си Ся, как раз там, где сформировалась этнорелигиозная группа хуэй. Состав населения на территории будущей китайской провинции Ганьсу во второй половине XIII в. был чрезвычайно пестрым: здесь жили тангуты Си Ся, китайцы, тибетцы, уйгуры — бывшие жители государства Си Ся, монголы-завоеватели, выходцы из районов Средней Азии, заброшенные сюда войной¹². Таким образом, если мы стоим на тех позициях, что хуэй северо-запада Китая сформировались в Восточном Ганьсу (современный Нинся-хуэйский автономный район), а других данных у науки нет, то вывод, уже сделанный М. Сушанло о том, что «языком этнического формирования дунганской народности в районах северо-запада Китая стал китайский язык, носителями которого в этих местах были тангуты, главным образом городские и оседлые части остатков тангутского населения Си Ся»¹³, и, добавим, местные китайцы, — логичен и правилен. Он не противоречит сделанному нами ранее выводу о том, что те тангуты, которые остались на территории своего бывшего государства Си Ся (Западное Ся), ставшей областью Нинся (Покоренное Ся), были китаизированы. Во второй половине XIII — начале XIV в. местное население будущей Восточной Ганьсу — тангуты Си Ся, китайцы, проживавшие и ранее в Си Ся, уйгуры, тибетцы, монголы, народности, пришедшие с монголами, — все, для кого в государстве Юань китайский язык стал единственным и естественным языком общения, слились постепенно в единый этнос — не чисто китайский, а смешанный по происхождению, который и стал основой нынешних хуэй-дунган. Китайцы были лишь одной из его частей. Вот почему вывод о том, что хуэй — это просто китайцы-мусульмане, если речь идет об этногенезе хуэй, неточен.

Очень существенным является вопрос, как это произошло. Когда и почему ислам стал господствующей религией в этом регионе? Короче,

¹⁰ Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 16.

¹¹ Е. И. Кычанов. Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана. — «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», вып. 75. М., 1965, с. 154—165.

¹² Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства, с. 315—330.

¹³ М. Сушанло. Указ. раб., с. 71.

нужны факты, которые подтверждали бы процесс исламизации местного населения. Старое объяснение о пришельцах из Средней Азии, с Ближнего Востока, из стран исповедания ислама, малоубедительно. Сколько бы таких пришельцев ни было, их всегда было значительно меньше местного населения, буддийского по вероисповеданию, будь то тангуты, китайцы или уйгуры.

Нужна была сила, заставившая местное население обратиться к исламу, политическая сила, власть, насаждавшая ислам. И такая сила, оказывается, была. Этой силой, которая произвела исламизацию области Тангут (так в конце XIII в. монголы именовали бывшую территорию Си Ся) и превратила разноплеменное население Тангута в мусульман (хуэй), говорящих по-китайски, как ни странно, были сами монголы, а среди них хан Ананда, внук знаменитого Хубилай-хана, правитель области Тангут. Отец Ананды (китайская транскрипция — Ананьда) Мангала (кит.— Мангэла) был третьим сыном Хубилая¹⁴. Оба они, Мангала и Ананда, отец и сын, имели титулы Аньси ванов (князей Умиротворителей Запада). Мангала получил этот титул в 1271 г. Ананда, который наследовал его в 1279 г.¹⁵, был ярким приверженцем ислама.

У Мангала часто умирали дети, и воспитывать Ананду поручили одному туркестанскому мусульманину по имени Мехтар Хасан Ахтаци. «Жена этого человека, по имени Зулеха, выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима, он учил Коран и очень хорошо пишет по-тазикски»¹⁶.

Придя в 1279 г. к власти, Ананда прежде всего «большую часть стапятидесятитысячного войска монголов, которые от него зависят... обратил в мусульманство»¹⁷. Так как Ананда «сделал обрезание большинству монгольских мальчиков и обратил в ислам большую часть войска»¹⁸, последовал донос Хубилаю и арест Ананды. На первый раз Ананду спасло лишь то, что его войска были нужны Хубилаю в борьбе за сохранение престола. И Хубилай по совету жены своей Кокчин-хатун освободил Ананду, решив не обращать внимания на то, что «все те войска и население области Тангут — мусульмане и упорствуют в этом», предоставив ему «самому разбираться в своей вере»¹⁹. Преемник Хубилая хан Тимур вообще благосклонно относился к исламу и при нем Ананда «много радел о мусульманстве»²⁰. Если при воцарении Тимура (Чэн-цзуна) в 1295 г., по предположению Рашид-ад-дина, Ананде было около 30 лет, значит, он родился около 1265 г. Биографии Ананды в «Юань-ши» (хроника династии Юань) нет. По описанию того же Рашид-ад-дина, Ананда был «смуглый, с черной бородой, высокого роста и полнотелый»²¹. Ставка Ананды была у оз. Чаган-Нора²². Ананда активно насаждал ислам в Тангуте в течение всего царствования Тимура. Со смертью Тимура, после воцарения У-цзуна, Ананда был втянут в борьбу монгольских принцев и, по данным «Юань-ши», в 1307 г. «пожалован смертью»²³. Именно поэтому мы не находим его биографии в истории династии Юань.

¹⁴ *Юань ши*, цз. 107, изд. «Сы бу бэйяо», с. 840; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. II. М.—Л., 1960, с. 154.

¹⁵ *Юань ши*, цз. 108, с. 843.

¹⁶ *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. II, с. 208.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 209.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 185.

²³ Там же, с. 194; *Юань ши*, цз. 22, с. 173; цз. 108, с. 843.

Деятельность Ананды по насаждению ислама не пропала даром. Не случайно современник его Рашид-ад-дин отметил в своем труде, что «из положения Ананды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства и, по изречению Корана, они войдут толпами в веру Аллаха... они войдут толпами и станут правоверными и единобожниками-мусульманами... и их дети, и внуки»²⁴. Рашид-ад-дин не ошибся. Шли они толпами или нет, но их дети и внуки, внуки тех, кто населял область Тангут — тангутов, китайцев, уйгуров, монголов, тибетцев и других племен и народов, государственным языком которых в период Юань был китайский, где-то в XIV в. постепенно слились в единую группу мусульман, жителей империи Юань, говоривших по-китайски либо оставшихся еще двуязычными. С приходом к власти китайской династии Мин она была полностью китаизирована и образовала ту группу китайцев-мусульман северо-запада, на основе которой сложились и современные дунгане. По происхождению — это смесь ряда этносов, в которой, как было показано выше, весомой была и тангутская струя. Те антропологические признаки, которые отличают хуэй от китайцев — слабо выраженный эпикамтус, высокое переносье, более сильный рост бороды, были характерны как для тангутов Ся, так и для северо-восточных тибетцев²⁵. Однако каких-либо следов тангутской культуры в культуре хуэй и дунган пока не выявлено.

---

²⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. II, с. 209.

²⁵ Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства, с. 65—66.